

**«Река времен...» Г. Р. Державина в русской поэтической традиции:
интертекстуальный аспект**

О.В.Зырянов

Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б.Н.Ельцина
(Екатеринбург)

Ключевые слова: прецедентный текст, сверхтекстовое образование, «интертекстуальное потомство», традиция «Памятника»

Опубликованное в журнале «Сын отечества» (1816, № 30) последнее стихотворение Г. Р. Державина «Река времен в своем теченьи...» сопровождалось примечательной заметкой: «За три дня до кончины своей, глядя на висевшую в кабинете его известную историческую карту: Река времен, начал он стихотворение “На тленность” и успел написать первый куплет» [Державин 2002: 688]. Несмотря на то, что стихотворение в формальном отношении осталось незавершенным, оно и в сохранившемся виде (что, к тому же, подкрепляется формой акростиха) воспринимается как вполне законченная миниатюра, порождающая в свою очередь многочисленное «интертекстуальное потомство» (А. К. Жолковский). Именно о сверхтекстовом образовании, сложившемся в русской поэтической традиции вокруг последнего стихотворения Державина «Река времен...», и пойдет речь в данной статье.

Смысловое пространство державинской «Реки времен...» образуется пересечением двух сюжетно-тематических линий: одна, экзистенциальная и историософская, идет от Екклесиаста («Нет памяти о прежнем; да и о том, что будет, не останется памяти у тех, которые будут после»); другая, творческо-онтологическая, – от горацианской традиции «Памятника» («Нет, весь я не умру...»). Не случайно центральная метафора стихотворения «река времен» задает идею тленности, или быстротечности, всех дел человеческих, всего, что присуще историческому процессу (ср.: «И топит в пропасти забвенья / Народы, царства и царей»). При этом в разряд человеческих дел, казалось бы, включается и то, что «остается чрез звуки лиры и трубы» (обратим внимание на парадоксальное сочетание глагольной формы «остается» и выражения «общей не уйдет судьбы»). «Остается», надо полагать, именно то, что избегает полного «потопления» – пусть даже не навечно, а лишь на какой-то неопределенный срок (какой? – остается так до конца и не ясно). Эффект неопределенности еще более усиливается за счет того, что тема духовной составляющей «памятника», хотя и подводится под власть «общей судьбы», но в то же время вызывает в читательском воображении амбивалентный образ «жерла вечности» («вечность» и «забвение» вряд ли могут рас-

смагиваться как банальные синонимы). Однако, на фоне обнаруживающейся позитивной тенденции «памятника» семантика поглощения (ср. «топят – пожрется») – это логически последовательное развитие исходной еkkлесиастической линии – приобретает все более зловещий вид.

Загадочность державинского текста заключается в его смысловой неоднородности, которая поддерживается за счет динамического равновесия двух указанных жанровых традиций, идущих одновременно от Еkkлесиаста и Горация. Но, как показывает «интертекстуальное потомство» державинского сверхтекста, последующие поэты либо редуцируют смысловой континуум текста-прецедента, сводя его к какому-то одному семантическому центру, либо кардинально переакцентируют содержащиеся в нем смысловые полюса.

Первой реакцией на державинскую «Реку времен...» следует признать оду В. В. Капниста «На тленность» (1816). К уже имеющейся 8-стишной строфе Г. Р. Державина В. В. Капнист приписывает еще две такие же строфы, одна из которых носит преимущественно нарративный характер, а другая, выдержанная исключительно в горацианской традиции, содержит категорическое опровержение Еkkлесиаста: «Из века в век сей звук прольется. / Державин, нет! Всежруща тлень / К венкам твоим не прикоснется, / Пока светящий смертным день / Чредиться будет с ночью звездной, / Пока ось мира не падет, – / Времен над реющею бездной / Венок твой с лирою всплывет» [Капнист 1973: 255–256]. Как видим, державинские метафоры «река времен» и «потопление» людских дел в «пропасти забвения» получают у Капниста свое полемическое продолжение в виде «реющей бездны времен» и всплывающего «венка с лирою». Редукция смыслового пространства державинского текста выступает здесь особенно наглядно.

Достойным откликом на державинскую «Реку времен...», сохраняющим драматическую двойственность исходного текста-прецедента, можно считать 8-стишную миниатюру К. Н. Батюшкова «Жуковский, время все проглотит...» (1821). Хотя концовка текста уводит к традиции жанра комической эпиграммы, начало его выдержано в предельно серьезном тоне: «Жуковский, время все проглотит, / Тебя, меня и славы дым, / Но то, что в сердце мы храним, / В реке забвенья не потопит!» [Батюшков 1989: 424]. Исходным моментом, свидетельствующим о включении данного стихотворения в державинский сверхтекст, опять-таки выступает развитие уже знакомой нам метафоры «реки времен»: только на смену «пропасти забвенья» приходит «река забвенья», а место пожирающего «жерла вечности» занимает время, «глотающее» друзей и «славы дым». Все это продолжение столь органичной для Батюшкова традиции Еkkлесиаста (см. элегию «К другу» и фрагмент «Изречение Мельхиседека»). Но в пике данной традиции в стихотворении можно усмотреть и развитие темы горациан-

ского «памятника», причем углубление ее за счет романтической эстетики «памяти сердца» (см. также трактат Батюшкова «О лучших свойствах сердца»).

Мотивика державинской «Оды на тленность» прослеживается в стихотворении Ф. И. Тютчева «Сижу задумчив и один....» (нач. 1830-х гг.): «Былое – было ли когда? / Что ныне – будет ли всегда?.. / Оно пройдет – / Пройдет оно, как все прошло, / И канет в темное жерло / За годом год» [Тютчев 1965: 70]. Именно с державинским образом «темного жерла» («жерла вечности») связывается в стихах Тютчева, равно как вообще в отечественной поэзии, первые ростки экзистенциального мироощущения.

Державинская «Река времен...» находит отклик и у поэтов XX века. Достаточно вспомнить О. Э. Мандельштама с его знаменитой «Грифельной одой» (1923), в интертекстуальном пространстве которой уживаются образно-тематические линии, идущие одновременно от Г. Р. Державина, М. Ю. Лермонтова и Ф. И. Тютчева. Пожалуй, самая наглядная преемственность с прецедентным текстом Г. Р. Державина обнаруживается в черновой редакции оды: «<И что б ни> вывела рука / <Хотя> бы жизнь или голубка / <Все> смоеет времени река / И ночь сотрет мохнатой губкой» [Мандельштам 1995: 468]. Однако и в окончательном тексте державинская традиция дает о себе знать: вслед за поэтом XVIII века Мандельштам в «Грифельной оде» предлагает «свою интерпретацию проблемы времени, которая в первом приближении сводится к отказу от линейной модели в пользу циклической» [Левченко 2005: 199].

В аспекте интересующего нас державинского сверттекста не менее примечательно стихотворение В. Ходасевича «Памятник» («Во мне конец, во мне начало...», 1928). Выполненное, казалось бы, исключительно в горацианской традиции (отсюда и «прочное звено», и памятник поэту в виде «двуликого идола» «в России новой, но великой»), данное стихотворение оказывается насквозь пронизано двусмысленно-иронической интонацией. Авторская ирония ощущается уже с первого стиха – в реминисценции из «Откровения св. Иоанна Богослова («Я есмь Альфа и Омега, начало и конец, говорит Господь, Который есть и был и грядет, Вседержитель»). Да и в образе «двуликого идола», поставленного «на перекрестке двух дорог, / Где время, ветер и песок....» [Ходасевич 1989: 255], что удивительным образом смахивает на египетского сфинкса в пустыне, не предчувствуется ли апокалипсическое дыхание ветра, своего рода знак конца времен? Не сказывается ли кризисный характер новой исторической эпохи на самом повороте авторского интереса от ветхой книги Екклесиаста к новозаветной тематике апокалипсиса?

Так в ходе литературной эволюции на протяжении XIX–XX вв. увязываются воедино экзистенциальный и историософский варианты державинской «Оды на тленность», вступают между собой в конкуренцию открывающиеся в ее смысловой структуре традиции Екклесиаста и Горация.

Литература

Батюшков К. Н. Соч.: в 2 т. / К.Н.Батюшков. – Т.1. – М.: Худ. лит., 1989.

Державин Г. Р. Сочинения / Г.Р.Державин. – СПб: Академический проект, 2002.

Капнист В. В. Избранные произведения / В.В.Капнист. – Л.: Сов.писатель, 1973.

Левченко Я. «Грифельная ода» О. Э. Мандельштама как логодицея / Я.Левченко // Критика и семиотика. – Вып.8. – 2005. – С.197–212.

Мандельштам О. Э. Полн. собр. Стихотворений / О.Э.Мандельштам. – СПб.: Академический проект, 1995.

Тютчев Ф. И. Лирика: в 2 т. / Ф.И.Тютчев. – Т.1. – М.: Наука, 1965.

Ходасевич В. Ф. Стихотворения / В.Ф.Ходасевич. – Л.: Сов.писатель, 1989.

Некоторые размышления над темой «А. П. Чехов и Г. Р. Державин»

Н.Ф.Иванова

Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого
(Новгород)

Ключевые слова: Чехов, Державин, цитаты, знак культурного языка

Тема «Чехов и Державин» на первый взгляд напоминает одну запись из «Записных книжек» А. П. Чехова: «Тургенев и тигры» – такие статьи писать можно, и они пишутся» [Чехов 1987, 17: 86]. На самом деле эта тема может быть поставлена хотя бы потому, что в текстах А. П. Чехова есть упоминания имени Г. Р. Державина, фактов его биографии, строк из его произведений.

Что мог и должен был знать А. П. Чехов, окончивший классическую гимназию, о Г. Р. Державине?

По воспоминаниям Ал. П. Чехова о состоянии ученической библиотеки в Таганрогской гимназии известно, что «в этой библиотеке не было ничего, если не считать нескольких книг по богословию, которых, конечно, мы юнцы, не читали. Затем следовали Хомяков, Сумароков, Херасков, Мерзляков, Державин, Жуковский <...> Гоголя, Пушкина, Лермонтова, Грибоедова и Тургенева внесли в каталог и поставили на полки уже позднее...» [Таганрог и Чеховы 2003: 155]. Книги поэта Г. Р. Державина стояли не в самом популярном ряду читаемой литературы¹.

---

¹ В методической литературе в это время возникает полемика о необходимости изучения «старых» писателей, их биографий и произведений. Известный педагог М. Ф. Де-Пуле в